

Воинские традиции в археологическом контексте:

от позднего латена
до позднего средневековья

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Воинские традиции в археологическом контексте:

**от позднего латена
до позднего средневековья**

Тула
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник
«Куликово поле»
2014

О. Ю. Радюш

ШЛЕМЫ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ПОДНЕПРОВЬЯ

Наблюдения за многочисленными форумами в интернете демонстрируют появление значительного количества археологических источников, в том числе ранее не известных, нетипичных и, казалось бы, не характерных для регионов их появления. Естественно, подобная информация требует крайней осторожности при обращении или упоминании о таких находках и значительных усилиях по верификации обстоятельств и мест находок вещей¹, не всегда, к сожалению, успешных. Проблема подобных находок, поднимаемая в статье, в последнее время стала крайне актуальной для отечественной науки. Непрерывающееся разграбление невосполнимых археологических источников на территории России и Украины приобрело масштаб национального бедствия. Учитывая количество различного рода «поисковиков», вооруженных металлодетекторами, на действия которых

накладывается часто бесконтрольное уничтожение памятников при строительстве, значительная часть древнего культурного наследия находится под угрозой уничтожения².

За последние несколько лет Государственный Исторический музей получил в дар несколько шлемов эпохи Великого переселения народов³. Один из переданных шлемов происходит из Хомутовского района Курской области, с территории Поднепровья, где предметы защитного вооружения раннего средневековья никогда не встречались.

В 2010 году на рынке «Вернисаж» в Москве появился в продаже железный «ламеллярный» шлем (рис. 1), практически в идеальной сохранности и даже собранный с помощью шнура в целую конструкцию. В легенде к нему указывалось, что он происходит из окрестностей с. Капыстичи Рыльского

¹ Автор статьи осознает всю сложность современной ситуации с соблюдением законодательства в области охраны археологического наследия и проблематичность в отношении публикации подобных находок, однако не замечать их и не обращать внимания не представляется возможным. Статья представляет собой попытку обозначить проблемы, связанные с уточнением археологических контекстов вещей и методами борьбы с грабительскими действиями и приватизацией уникальных археологических артефактов.

² Помимо уничтожения слоёв поселений и могильников неглубокого залегания, все чаще появляется информация о появлении у копателей и коллекционеров вещей, полученных из закрытых комплексов — кладов и погребений. Подобная ситуация на Кавказе, Предкавказье и в Крыму уже давно стала печальной закономерностью, где за два десятка лет сложились устойчивые группы грабителей, пользующихся как простыми приборами, так и высокоэффективными приспособлениями для глубинного поиска металлических предметов. Кроме того, в нелегальные раскопки вокруг своих населённых пунктов зачастую вовлечены местные жители, для которых добыча артефактов стала источником постоянного заработка. Зачастую на археологические памятники попадают поисковики захоронений и мест сражений Второй мировой войны, которые, как правило, ведут работы также с нарушением необходимых методик фиксации своих работ. Для Центральной России массовость металлопоиска и резкое расширение площадей, «обрабатываемых» грабителями, стали характерными в последнее десятилетие. В редких случаях находки удаётся отследить и изъять, в ряде случаев — выкупить. Среди подобных широко известных примеров — разграбление до 2009 года грунтового могильника возле д. Ожгибовка в Пильненском районе Нижегородской области с уникальными погребениями всадников с оружием и доспехами I века нашей эры [Зубов, Лифанов, Радюш, 2000]. Вещи были частично выкуплены на антикварном рынке и переданы в ГИМ безвозмездно, преступники не найдены. В Курской области в 2010 году группа граждан добыла на месте разрушенного в 80-е гг. погребения знатного всадника детали позолоченной узды и мечей в золотых обкладках начала V века и попыталась их сбыть, однако их действия были пресечены ФСБ [Радюш, Щеглова, 2012]. Находки переданы в Курский государственный областной музей археологии, один из участников разграбления осуждён к принудительным работам. В 2010 году поисковым отрядом на месте боев в Брянской области был обнаружен уникальный, самый крупный на данный момент клад вещей круга «выемчатых эмалей», однако для передачи его в ГИМ пришлось привлечь ФСБ [Ахмедов, Обломский, Радюш, 2013]. Среди редких примеров сотрудничества официальных поисковиков и археологов последних лет можно назвать обнаружение официальными военными поисковиками погребения рубежа эр на территории Кролевецкого района Сумской области Украины и последующее профессиональное исследование уникального дружинного могильника, выявленного рядом [Терпиловский, 2010; Терпиловский, 2012]. В целом же подавляющее большинство находок продаётся на антикварных рынках и через сеть интернет, уходит в частные коллекции России и за ее пределами, при этом теряется взаимосвязь с местом происхождения и археологическим контекстом.

³ Два из них: железный «bandhelm» по классификации М.Фогта [Vogt, 2006. S.78], и железный сегментный «sprangenhelm» с бронзовыми заклепками — происходили из Касимовского района Рязанской области, где, по всей видимости, были «добыты» в одном из разграбленных могильников рязано-окской культуры. Эти находки были выкуплены на антикварном рынке и переданы меценатами в музей. Оба шлема находятся на реставрации, работа по выяснению обстоятельств и точного места находки ведётся. На данный момент информация об области их обнаружения подтверждена. Судя по информации, регулярно проходящей в антикварных кругах, это не первые находки из региона, но в данном случае их впервые удалось вывести из нелегального оборота и передать в государственный музей.

го района Курской области. Благодаря деятельности сотрудников правоохранительных органов и помощи сознательных граждан шлем удалось выкупить и подготовить для передачи в Государственный Исторический музей. Но все же происхождение шлема изначально вызвало сомнения, учитывая абсолютную уникальность для центрально-черноземной археологии подобных находок. Возникали естественные предположения о том, что артефакт мог быть вывезен из Причерноморья или Северного Кавказа, где такие находки известны (Керчь и Ильичевское городище), однако уровень сохранности железа был совершенно нехарактерен для металла на южных памятниках. Впоследствии стало известно, что «находчик» шлема, проживающий в Рыльске или Рыльском районе, был вскоре арестован за хранение оружия и боеприпасов. Во время работы с Волниковским кладом в 2010 году нам удалось уточнить у сотрудников УФСБ по Курской области информацию о реальности данного задержания. Таким образом, регион находки подтвердился. Однако, как выяснилось в дальнейшем, шлем был найден не данным гражданином, а был перекуплен у одного из жителей Курска, также занимавшегося поиском артефактов военного времени. Эти обстоятельства удалось установить совершенно случайно, в ходе беседы автора во время полевого выезда 2011 года. Местный житель согласился сотрудничать, сообщил всю информацию о находке, обстоятельствах обнаружения и ее точное место, кроме того, предоставил фотографии, сделанные вскоре после извлечения шлема из земли. Находчик, уроженец Хомутовского района, занимался поиском артефактов Второй мировой войны в родном районе на местах боев и, обследуя край сухой балки, обнаружил железный шлем, который он посчитал относящимся к XVI–XVII вв. Впоследствии он продал его перекупщику из Рыльска. Сотрудники Средне-Сейминской экспедиции ИА РАН выехали на место обнаружения шлема в июле 2011 года. Как удалось установить, шлем был найден в 1 км к северо-востоку от с. Петровское. Находчик точно указал участок местности и ямку, где был найден шлем, наверху склона небольшого оврага, впадающего в долину реки Сухая Амонька. По его словам, конструкция располагалась компактно, в полном комплекте практически под деревом. Шлем находился навершием к верху склона, кольчужная бармица лежала под куполом на земле, налобная пластина шлема сверху. Проверка указанного места с помощью металлоискателя позволила выявить еще одну целую нащечную пластину от ламинарного науша — недостающую в имеющемся комплекте, и множество мелких фрагментов от пластин. Судя по расположению находки на покатом склоне, следует исключить отношение его к какому-то разрушенному погребению. Первоначальный осмотр окружающей местности не выявил никаких следов археологических памятников в округе, и в ближайшее время планируется проведение полноценной археологической разведки в районе находки. Таким об-

разом, место находки было подтверждено абсолютно точно. По нашему мнению, это редкий случай именно случайной находки предмета защитного вооружения, не связанный непосредственно с археологическим памятником. Ламеллярный по конструкции шлем, упав на землю и, возможно, скатившись по склону, так и остался лежать на нем до тех пор, пока не сгнили ремешки, скреплявшие его пластины, и он, рассыпавшись, удачно сохранился практически без утрат до наших дней.

Шлем состоит из нескольких деталей: купола, набранного из узких пластин (рис. 2:с), налобной пластины с наносником (рис. 2:б) и цельнометаллическим навершием с втулкой-шпилем для плюмажа (рис. 2:а), пластинчатых ламинарных наушей (рис. 2:д), кольчужной бармицы (рис. 1).

Высота купола вместе с навершием — 23 см, диаметр — около 20 см. Купол состоит из вертикальных узких пластин (13 коротких, длина каждой из них — 14 см, ширина в нижней части — 1,9 см, в верхней — 0,6 см, 41 длинных, длиной — 18,5 см, ширина в нижней части — 1,8 см, в верхней — 0,6 см). Толщина пластин около 1,5 мм. Изогнутая налобная пластина по форме близка к трапеции, верхняя сторона имеет длину 15 см, нижняя — 16,2 см, высота — 5 см по краям и 4,5 см в центральной части, толщина пластины 1,5–2 мм. По нижней стороне сделаны фигурные вырезы для крепления при помощи трех заклепок надбровной пластины с наносником, которая имела ширину 0,8 см. Высота фигурного выступа наносника около 2,5 см. Навершие цельнометаллическое, полусферической формы диаметром около 9,3 см, высотой 8,5 см, с приклепанным изнутри массивным шпилем. Шпиль — пустотелый, квадратного сечения 0,9х0,9 см, высотой 2,8 см (рис. 2:е).

Каждый из парных наушей (рис. 2:д) состоит из восьми рядов горизонтальных железных пластин с фигурными вырезами по краям. В собранном виде каждый науш имеет трапециевидную форму шириной в верхней части 11 см, в нижней — 4 см. Длина науша — 15 см.

Бармица — кольчужная, состоит из 9 рядов колец. Плетение типичное — четыре целых кольца пропущены в одно клепаное. Диаметр клепаных колец 1,5 см, целых — около 1,3 см, сечение колец уплотненное, размерами примерно 2,5х1 мм. В расправленном состоянии бармица трапециевидная — нижняя сторона 45 см, верхняя 33 см, высота 14 см. В одном из колец в нижней части ближе к центру сохранились остатки некоего острия с остатками органики (возможно, дерева) длиной 1,2 см, возможно — от стрелы. Во всяком случае, находчик сообщил, что кусок железного прутка был достаточно длинный и позволял разглядеть гранение; возможно, утраты появились уже в ходе перемещения находки из рук в руки.

Конструкция шлема — ламеллярная⁴, он набран из железных пластин, скрепленных ремешками из органических материалов (вероятнее всего — кожи). Купол собирался по четырем рядам отверстий, верх-

⁴ Употребляется термин «ламеллярный» в значении традиционном для отечественного оружиеведения, подразумевающий конструкцию из узких пластин, собранных на гибкой основе, а не просто пластинчатых, которые могли собираться также и на металлических заклепках.

ний соединял пластинчатый купол с навершием с помощью 51 отверстия в нем, второй ряд сверху скреплял каждую пластину примерно в 6 см ниже через четыре парных отверстия. Третий ряд, расположенный ниже на 6,5 см, соединял длинные пластины также четырьмя парными отверстиями, а короткие — через три отверстия, расположенных в ряд по нижней части пластины. Нижний ряд крепил длинные пластины купола в нижней их части с помощью трех отверстий в каждом. Налобная пластина крепится по верхнему и боковым краям 27 и 6 отверстиями соответственно. Диаметр всех отверстий около 2 мм.

Традиционно происхождение таких шлемов в Европе связывалось с аварскими влияниями. Наиболее ранние находки ламеллярных шлемов относятся к Дальнему Востоку — Сяньбийский могильник Лаохэшень на территории Китая [Рец, Юй Су-Хуа, 1999], корейские гробницы [Barnes, 2001], датирующиеся III—V вв. н.э. В Европе, по всей видимости, ламеллярные конструкции появляются с одной из волн кочевников из Азии, традиционно многие исследователи связывают это с раннеаварским периодом, начавшимся в середине VI века. На территории Европы известны находки четырех целых шлемов и нескольких отдельных деталей [Steuer, S. 198]. Первый шлем из этой серии был найден Ю. Кулаковским в 1881 году в одном из погребений Керченского некрополя на ул. Госпитальная [Arendt, 1935]. В настоящее время он находится в основной экспозиции ГИМ в Москве. Кроме публикации В.Арендта, более подробных сведений о нем нет (рис. 3:a). Авторы публикации доспеха из этой катакомбы соглашались с мнением других специалистов (П. Паульсена, Б.Тордемана, М.Горелика) и предполагают, что детали доспеха, найденные вместе со шлемами, датируются достаточно широко — VI—VII вв. [Ахмедов, Журавлев, Кубарев, 2003], хотя и отмечается, что в отчете Ю. Кулаковского упоминается монета императора Льва (457—473). Это обстоятельство позволяет предполагать более раннюю нижнюю дату, вплоть до второй половины V века, однако сопровождающий инвентарь указывает на более позднюю дату. Фрагменты еще одного подобного шлема (рис. 3:b) были обнаружены в слое разрушения Ильичевского городища [Николаева, 1986. С. 185. Табл. 1:1]. Автор публикации датирует шлем по монетам императора Льва (457—473) и монетам императора Юстиниана (527—565), найденным в слое городища, практически так же, как и шлем из Керчи, — от второй половины V века — до второй половины VI века [Николаева, 1986. С. 186]. Близкий по внешнему облику шлем был обнаружен в погребении начала V века из Калкни в Дагестане [Салихов, 1985], однако он не ламеллярный и значительно отличается по конструкции от основной серии находок в Европе. Шлем, найденный вместе с ламеллярным доспехом в Германии в групповом лангобардском погребении 12 из Нидерштоцингена (Баден-Вюртенберг), имеет более развитые и модернизированные детали, возможно связанные уже с заимствованиями из европейской оружейной традиции, чем у близких ему аналогий из Восточной Европы. В конструкции этого шлема (рис. 3:d) использованы цельнометаллические науши, на-

носник у него длинный, в отличие от более коротких у восточных находок, центральная пластина в куполе имеет ширину, увеличенную в два раза по сравнению с остальными, кроме того, вертикальные пластины купола имеют фигурные вырезы. Датируется он рубежом VI—VII вв. или первым десятилетием VII в. [Paulsen, 1967, Werner, 1988]. В начале 2000-х годов в Болгарии в Старой Загоре в погребении вместе с ламеллярным доспехом был найден еще один целый шлем (рис. 3:c) [Byzanz, 2010. S. 291], датированный также VI—началом VII в., на основании аналогии из Нидерштоцингена. Он отличается также куполом, составленным из пластин с фигурно вырезанными краями, наушами, состоящими из 19 пластин с фигурными вырезами, и пластиной-наосником с небольшими полукруглыми вырезами над глазами. Началом VII века датируют и налобную орнаментированную пластину из позолоченной меди от ламеллярного шлема «короля Агилульфа» из Вальдиньеволле в Тоскане (рис. 3:e) [Vogt, 2006. Taf. 55].

Таким образом, шлем, найденный в Хомутовском районе Курской области, относится к редким раннесредневековым боевым оголовьям, появившимся в Европе не ранее второй половины V века нашей эры, но, вероятнее всего, ближе к середине VI века, и распространенным широко. В то же время нет достаточно убедительных фактов, позволяющих связывать их появление и сами находки именно с аvaraми. Детали его по многим элементам схожи с тремя известными находками из Керчи, Ильичевки и Старой Загоры (рис. 3:a—c), которые, судя по более архаичным деталям, могли являться более ранними по отношению к шлему из Нидерштоцингена. Однако более надежных данных для ранних датировок восточноевропейских шлемов пока нет.

Помимо находок, так или иначе попавших в музейные коллекции, за последние 4 года появились сведения и о других шлемах. В отличие от упомянутых находок из Рязанской области и вышеописанной из Курской, данные детали шлемов остались, к сожалению, в частных коллекциях, местонахождение артефактов не установлено. Однако, учитывая их уникальность, следует уделить внимание обстоятельствам их появления и попытаться провести возможный в данной ситуации краткий анализ.

На одной из личных страниц сайта vk.com (<http://vk.com/id38009390>) были выложены фотографии обломков металлического изделия, покрытого позолотой, с чешуйчатым орнаментом и отверстиями по краям (рис. 4), впоследствии этот альбом был убран. Этот же артефакт 18 августа 2009 года был выставлен для продажи на сайте antikwariat.ru (http://www.antikwariat.ru/auction_details.php?auction_id=304576). В ходе общения с находчиком через социальную сеть ни московским, ни брянским коллегам уговорить его сдать находку в брянский или какой-либо из музеев также не удалось. В то же время он следующим образом описал место находки: «Болдыжский лес между реками Навля и Нерусса». Автор находки был уверен, что это часть средневекового доспеха, найденного на месте битвы, произошедшей 16 января 1146 года. От брянских коллег позднее поступи-

ла более точная информация о находке предмета в бассейне Навли.

На имеющихся фотографиях представлены четыре обломка, вероятнее всего от одного науша. На изломе прослеживается характерный для изделий из медного сплава цвет металла. На трех фрагментах по краю сохранились пробитые отверстия, предназначенные для обшивки края. Поверхность местами патинированная, частично сохранила позолоту. Ясно прослеживается орнаментация в виде мелкой чешуи, набитой штампом. Края фрагментов изломаны, возможно вследствие распахки. По фотографии сложно установить, была или нет деталь в огне, но такая вероятность, судя по цвету, не исключается. Наиболее крупный фрагмент имеет размеры приблизительно 5х10 см, однако точную форму по имеющимся снимкам восстановить невозможно. Судя по всем признакам, эти фрагменты относились к наушу, типичному для шлемов типа «Бальденхайм», иногда называемых «шпангенхельмами», хотя этот термин относится к широкой группе шлемов каркасно-сегментной конструкции римского и раннесредневекового периодов. Практически на всех известных экземплярах фиксируется подобная орнаментация и оформление края науша для обшивки, различающиеся по технике и качеству исполнения [Vogt, 2006. S.16].

4 марта 2011 года в сети интернет на сайте Форум SU — underground-history-su.com — появился лот, предлагавший на продажу детали позолоченного шлема (<http://underground-history-su.com/viewtopic.php?f=653&t=330760&p=2797639&hilit=шлем#p2797639>). В ходе общения с автором сообщения, который представился посредником в продаже⁵, И.А. Бажан предложил ему сдать находку в ГИМ. Сотрудники отдела археологии ГИМ подтвердили последовавшее впоследствии общение с представителем владельца — им были продемонстрированы фотографии, однако в итоге продавцы, или посредники, перестали выходить на связь. Позже в ходе работ по Усухскому кладу из Брянской области нам удалось с помощью местных краеведов и археологов уточнить реальность данной находки и ее наиболее вероятный район — Климовский на юго-западе Брянской области, пограничный с Украиной.

Судя по фотоснимкам, найдены были фрагменты позолоченного каркасно-сегментного шлема, состоявшего из позолоченных навершия, четырех деталей каркаса с остатками железных вставок и нижнего обода от каркаса (рис. 5: 1–6) и биметаллические удила (рис. 5: 7). Ни деталей кольчужной бармицы, ни наушей на фотографиях представлено не было. От шлема сохранилась площадка навершия с цилиндрическим султанчиком, имевшим два валика — у основания и по верхнему краю (рис. 5: 2), нижний был декорирован насечками. Внешняя часть площадки украшена орнаментом из восьми больших треугольников, состоящих из 15 штампованных окружностей, внутренняя под султанчиком — из восьми (?) малых треугольников, каждый из которых состоял из 6 окружностей. По краям площадки четыре от-

верстия. Деталь сохранила позолоту. От купола на снимках представлены четыре Т-образных сегмента каркаса (рис. 5: 3, 4) и нижний обод (рис. 5: 5, 6). По своим пропорциям и раскрою сегменты ближе всего к шлему из Батайници (Сербия) [Vogt, 2006. Beil. 2], форма купола, вероятнее всего, была полусферической. Сегменты, закрывавшие межкаркасное пространство, — железные, они практически полностью разложились от пребывания в грунте. Заклепки, соединявшие детали в количестве 20 штук на каждой, имели полусферические шляпки, по всей видимости посеребренные или серебряные. Поверхность сегментов каркаса сохранила позолоту и была декорирована орнаментом, аналогичным верхней площадке навершия — крупные треугольники, обращенные остриями внутрь, составленные из окружностей. Кроме этого по вертикальной части сегмента прослеживаются фигуры в виде крестов и крестов в полукруге, выстроенных в ряд, также набитых штампованными окружностями, но меньшего диаметра. Орнаментация в виде треугольников, забитых штампованными окружностями или чешуей, несомненно, одна из характерных черт шпангенхельмов типа Бальденхайм. Практически все орнаментированные позолоченные шлемы имеют эти элементы декора. От нижнего обода сохранилась большая часть (рис. 5: 5, 6), он разорван и имеет значительные утраты как железной основы, так и бронзовой обтяжки. По части окружности обода проходит валик с поперечными вдавлениями. В некоторых местах видны остатки отверстий для крепления кольчужной бармицы. Орнаментальные композиции заключены в прямоугольные рамки, состоящие из полусферических деталей. По краям композиции декорированы «елочками», между которыми располагаются три группы из сильно утрированных растительных и птицеподобных объектов. Подобный декор был также широко распространен на шлемах данной группы. Наиболее близки к декору рассматриваемой находки композиции на шлемах из коллекции Эрмитажа [Vogt, 2006. Beil.6], сюжетно близки — из Пфеффингена (Рейнланд-Пфальц, Германия) [Vogt, 2006. Beil.12], Планига (Рейнланд-Пфальц, Германия) [Vogt, 2006. Beil.13], Монтепагано (Ломбардия, Италия) [Vogt, 2006. Beil.11], из Дольне Семеровцы (I) (Словакия) [Vogt, 2006. Beil.4] и Штессена (Саксония-Анхальт, Германия) [Vogt, 2006. Beil.17]. Судя по более детализированным сюжетам на ряде европейских шлемов, композиция на шлеме из Брянской области изображала птиц, клюющих виноград с лозы. Это элементы христианской символики, связанные с Причастием. Виноградная лоза, символизирующая древо жизни, вместе с павлинами (символами воскресения Христова) и голубями, сидящими на ее ветвях (символами очищения души), — широко распространенные в раннехристианском мире элементы символики, ставшие декоративными элементами в ранневизантийском искусстве [Покровский, 1894: 23–37]. На краю одного фрагмента также визуальнo прослеживается тисненый контур от фигуры птицы с круглой головой и большим клювом.

⁵ Судя по никнейму (kuznes), владелец сайта poisk32.ru, проживающий в г. Брянске, является одним из фигурантов дела о Волниковском кладе из Курской области.

Вместе со шлемом на фотографиях отмечены би-металлические удила и детали конского снаряжения (рис. 5:1, 7), по легенде находчиков, найденные вместе со шлемом. Детали ременной гарнитуры представлены: накладкой с серебряным (?) кольцом, крепившейся на две заклепки, с позолоченным щитком, орнаментированным в стиле кельтских; позолоченной накладкой с симметричными клювовидными окончаниями в том же стиле, что и подвеска; рамкой трапециевидной формы с площадкой для крепления на двух заклепках. Удила состояли из Г-образных бронзовых псалиев с петлями и железных грызель. Пара псалиев имела граненые окончания, оформленные в виде головы птицы с длинным загнутым клювом, и нижние окончания в виде расширяющихся лопастей. В центральной части псалия расположена подпрямоугольная петля, оформленная в виде животного с выступающей головой. На петле крепятся зажимы ремней. У нижнего края петли коническая часть стержня резко переходит в уплощенную, расширяющуюся вниз лопасть, окончание которой загнуто в одну сторону и заострено. Зажимы состояли из пары колец уплощенного сечения и двух парных пластин, фиксирующих ремни уздечки. Одна из верхних пластин каждого из зажимов была оформлена в виде сильно загнутого клюва, вторая — листовидная. Ремни уздечки крепились при помощи двух заклепок, пропущенных насквозь через верхнюю и нижнюю пластины зажимов.

Исследовавший узду эпохи Великого переселения народов И.Р. Ахмедов относит близкие формы псалиев, найденные в Восточной Европе, к постгуннскому времени. Детали моделировки псалиев находят параллели среди предметов конской упряжи, происходящих с территорий памятников Боспора и Северного Кавказа второй половины V — начала VI в. Исследователь считает, что они относятся к серии псалиев с зооморфными окончаниями, из группы «понтийской» упряжи горизонта «Лермонтовская скала — Сахарная Головка» [Ахмедов, 2009. С.161–162].

Описанные предметы вооружения с территории Подесенья очевидно попадают в зону распространения памятников колочинского типа, но связаны с разными этапами развития культуры. Брянские племена более ранние и могли бы быть связаны с постгуннским горизонтом второй половины V — начала VI века, тогда как находка из Курской области, скорее всего, относится ко второй половине VI века.

Представление о защитном вооружении первой половины I тысячелетия нашей эры — римского периода и эпохи переселения народов на территории варварских культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы до сих пор довольно поверхностное вследствие особенностей источниковой базы. Соседние территории и культуры дают более представительные материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду. На территории германского Барбарикума в Западной и Центральной Европе известны более пятидесяти находок фрагментов и больше полутора десятков целых кольчуг и не более десятка шлемов

[Kaczanowski, 1992. S. 94–95; Hansen, 2003. S. 71, karte 5]. В нескольких случаях кольчуги сопровождали погребения высшей знати I–II вв. (Хагенов, Мушов). Образцы целых римских кольчуг найдены в болотных жертвенниках (Торсберг, Вимозе). По мнению К.Чарнецкой, фрагменты кольчуг использовались в качестве оберегов в женских и детских погребениях германских культур [Czarnecka, 1994]. В римском искусстве, что неоднократно отмечено, было не принято изображать северных варваров в доспехах, обычно это характеризовало степных всадников — сарматов. Очевидно, массовое распространение и проникновение доспеха в погребальный обряд германской знати происходит уже на этапе Великого переселения народов, возможно, как раз в процессе тесного контакта в дружинной среде с представителями кочевнических культур, на что указывают находки сегментно-каркасных шлемов V–VI вв. (рис. 6) [Vogt, 2006. Abb.2].

Защитное вооружение, за исключением деталей щитов, было не известно на памятниках лесных и лесостепных культур на территории юго-восточной Европы в римский период и раннесредневековое время⁶. Соседние территории дают гораздо более представительный материал на протяжении того же периода. С черняховской культурой связаны несколько погребений, в материалах которых зафиксированы кольчужные кольца, но часть из них относится к ее западным регионам [Гопкало, Тылицак, 2010. С. 87]. К началу гуннского времени относится погребение в Концештах (соврем. Румыния) на р.Прут, где был найден позднеимперский офицерский шлем в серебряных обкладках типа «gardenhelm» и, по сообщениям нашедших его крестьян, там же находилась кольчуга [Засецкая, 1994. С. 174–176], впрочем этнокультурная принадлежность погребения, как и в большинстве подобных находок, остается дискуссионной.

Достаточно широко представлено защитное вооружение в лесостепных и лесных культурах Среднего Поволжья и Прикамья. В этих регионах находки защитного вооружения известны начиная с первого века до н.э. (Кипчаковский мог., Башкирия — по устному сообщению С.Э. Зубова), к первому веку могли относиться погребения знати со шлемами и кольчугами из Ожиговки и Андреевского кургана [Зубов, Гришаков, 2009; Зубов, Лифанов, Радюш, 2011. Рис. 8], к более позднему периоду, возможно к IV в., мог относиться ранний вариант «sprangenhelm» с пластинчатыми наушами на шарнирном креплении из погребения 11 Степановского могильника [Гришаков, 2008. Рис. 21]. К рубежу IV–V веков относится серия шлемов, в ряде случаев найденных с кольчугами, происходящая не менее чем из восьми прикамских могильников [Голдина, Волков, 2000]. Как уже упоминалось, к V веку, вероятно второй его половине, могли относиться находки шлемов из Касимовского района Рязанской области, переданные в ГИМ. Таким образом, на соседних с Поднепровьем территориях юго-восточной Европы традиция использования металлического доспеха появляется уже в начале

⁶ Могильник Мути в Кролевецком районе Сумской области Украины с находками четырех шлемов восточнокельтского типа датируется рубежом эр [Терпиловский, 2012. С. 305–311].

нашей эры и фиксируется постоянно на протяжении первой половины первого тысячелетия.

Находка из Хомутовского района Курской области является первой задокументированной и полностью подтвержденной для Восточной Европы находкой. И все же, несмотря на уникальность, ее появление не столь удивительно. Несмотря на обилие кладов «антского» времени, изученность материальной культуры периода V–VII веков нельзя назвать достаточной для далеко идущих выводов о ее социальной структуре и, тем более, военному делу, связанному с ней. Погребальный обряд колочинской культуры имеет свою специфику; как и большинство раннеславянских культур, он малоинвентарен [Терпиловский, 2004. Рис.93]. Поселения и могильники, исследованные в 1950–1980-х гг., в силу особенностей методики раскопок и незначительной мощности большинства поселений давали крайне немногочисленные находки бытовых предметов, оружия и снаряжения. В последние 20 лет исследований колочинских памятников практически не ведется [Обломский, 2013, в печати]. Практически единственными новыми источниками информации о культуре раннесредневекового периода остались так называемые антские клады, до начала 2000-х годов их было известно около 20-ти, но в последнее время новые комплексы стали регулярно выкапываться грабителями и в Курской, и в Белгородской, и в Сумской областях [Родинкова, 2010]. Только в официальных музеях России и Украины находятся не менее 5 новых комплексов, переданных или выкупленных в течение последних пяти лет. В итоге сложились стереотипы о вооружении местных культур: известные сообщения раннесредневековых византийских источников (например: Прокопий Кессарийский, Войны VII (III), 14), относящиеся к антам и славянам, воевавшим с империей на Балканах и в Италии, экстраполировались на местные реалии. В работах последних лет авторам удалось подтвердить крайнюю слабость и отрывочность археологической источниковой базы для всех без исключения раннеславянских культур [Шувалов, 2004. С.262; Kazanski, 1999. P.197–236]. Более-менее представительные наборы вооружения известны лишь в соседних тушемлинской культуре и культуре восточнолитовских курганов [Шмидт, 1995; Седин, 2011; Казанский, 1999, 2008]. Появление новых находок в зоне распространения памятников колочинской культуры, возможно, изменит представление об уровне развития военного дела местных «раннеславянских» культур. Несмотря на распространенные стереотипы, находки престижного вооружения и снаряжения вполне соответствуют уровню варварской дружинной культуры, характерной как для Западной и Центральной Европы, так и для Северного Кавказа и Причерноморья. Вопрос об их происхождении, принадлежности, конечно, остается открытым.

Описанные детали шлемов из двух районов Брянской области, учитывая обстоятельства их появления, в отличие от достоверно подтвержденной в полевых условиях Курской находки, вызывают естественную настороженность. Как уже отмечалось, находчики часто намеренно путают место обнаружения вещей, кроме того, информация теряется или путается в процессе обмена или перепродажи артефактов. Без выяснения достоверных обстоятельств находок остается констатировать факт возможного их существования. И все же следует заметить, что вероятность их появления в Брянском Подесенье достаточно велика, что подтверждают и некоторые другие находки аналогичного горизонта. Давно известен по публикациям, но до сих пор детально не исследован меч с широким коробчатым перекрестием и выпавшей инкрустированной вставкой типа находок из Лермонтовой скалы — Альтюсхейма [Радюш, 2012. Рис. 2: 2]. Клинок, обнаруженный местными жителями в 1970-х гг. в карьере возле с. Картамышево Обоянского района Курской области, возможно, происходит из разрушенного погребения. В Глуховском районе Сумской области найдены детали от роскошных уздечных наборов, синхронных удилам из «Климовского района» Брянской области (по информации от сотрудников Глуховского краеведческого музея). Таким образом, можно отметить, что горизонт интернациональной воинской культуры в верховьях Днепра периода V–VII вв. находится в состоянии выявления (рис. 7). Детали престижной дружинной моды распространялись достаточно широко, находки фиксируются на территориях Верхнего Поднепровья и Поочья [Ахмедов, Казанский, 2004]. Теперь же, помимо известных нам клинкового оружия, деталей узды и поясной гарнитуры, возможно, удастся выявить и элементы защитного вооружения. М.М. Казанский отмечает серьезные изменения в структуре славянского войска, происходящие в первой половине VI века, связанные с началом походов на Балканы. По мнению исследователя, к концу столетия в его составе вполне могли появиться тяжеловооруженные воины [Казанский, 2011. С. 49]. С этой исторической гипотезой можно в целом согласиться. Однако если основываться на датировках вещей, представленных в данной статье, то появление защитного вооружения можно отнести к несколько раннему периоду. Для более основательных выводов требуется большее количество надежных свидетельств.

Учитывая происходящие в последние десятилетия бесконтрольное расхищение и приватизацию исторических и культурных ценностей страны, вышеописанные находки лишней раз демонстрируют необходимость принятия незамедлительных мер по предотвращению добычи и продажи артефактов, по передаче награбленного в музейные хранилища. Будем надеяться, что данная заметка поможет делу сохранения нашего культурного наследия.

Литература

1. Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. С.-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004.
2. Ахмедов И. Р., Кубарев Г. В., Журавлев Д. В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительная информация) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.

3. Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 г. Гомель, 2013.
4. Голдина Р. Д., Волков С. Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. Уфа, 2000.
5. Гопкало О. В., Тылищак В. С. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // *Germania-Sarmatia*. Вып. II. Курск; Калининград, 2010.
6. Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
7. Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза, 2008.
8. Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы // Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань, 2009.
9. Зубов С. Э., Лифанов Н. А., Радюш О. А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек. Самара, 2011.
10. Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. 6. СПб., 1999.
11. Казанский М. М. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.
12. Казанский М. М. О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // *Stratum plus*. Вып. 5. Кишинев, 2011.
13. Николаева Э. Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М., 1986.
14. Обломский А. М. Колочинская культура // Раннеславянский мир. Вып. 15. М., 2013 (в печати).
15. Покровский Н. В. Очерки памятников православной иконографии и искусства. СПб., 1894.
16. Радюш О. А. Вооружение III–нач. V в. н.э. с черняховских поселений Курского Посемья // *Stratum plus*: от римского лимеса до великой китайской стены. Вып. 4. Кишинев, 2012.
17. Радюш О. А., Щеглова О. А. Волниковский «клад» и Курское Посемье в эпоху Великого переселения народов. Курск, 2012.
18. Родинова В. Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. М., 2010.
19. Рец К. И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций (2). Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
20. Салихов Б. М. Калкинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
21. Седин А. Предметы вооружения из городища Никодимово // *Acta Archaeologica Albarutenica*. VII. Минск, 2011.
22. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. // *Monumenta studia gothica* III. Lublin, 2004.
23. Терпиловский Р. В., Билинская Л. И. Трупосожжение знатного воина на Сейме. // *Germania-Sarmatia* II. Курск–Калининград, 2010.
24. Терпиловский Р. В., Жаров Г. Дружинный могильник рубежа эр на Сейме. // *Inter ambo maria*. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов. Симферополь, 2012.
25. Шмидт Е. А. Вооружение и снаряжение воинов-всадников туземных племен Поднепровья // ГАЗ. № 6. 1995.
26. Шувалов П. В. Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. С.-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004.
27. Arendt W. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa // *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde* 5 (3). Berlin, 1935.
28. Barnes G. L. Archaeological armour in Korea and Japan: Styles, technology and social Setting // *Journal of East Asian Archaeology* 2 (3–4). Boston, 2000.
29. Byzanz: pracht und alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn 26 Februar bis 13 Juni. 2010.
30. Czarnecka K. The re-use of roman military equipment in barbarian context. A chain-mail souvenir? // *Journal of roman military equipment studies*. Vol. 5. Oxford, 1994.
31. Hansen L., Die Panzerung der Kelten. Eine diachrone und interkulturelle Untersuchung eisenzeitlicher Rüstungen. Kiel, 2003.
32. Kaczanowski P. Importy broni rzymskiej na obszarze Europejskiego Barbaricum. Krakow, 1992.
33. Kazanski M. L'armement slave du haut Moyen-Age (Ve-VIIe siècles). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // *Pøehled výzkumù*, (1995–1996). № 39. Brno, 1999.
34. Paulsen S. Alamannische Adelsgräber von Niederstotzingen. (Kreis Heidenheim). Stuttgart, 1967.
35. Steuer H. Helm und Ringschwert: Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. Eine Übersicht // *Studien zur Sachsenforschung* 6. Freiburg, 1987.
36. Vogt M. Spangenhelme // *Kataloge vor- und frühgeschichtlicher altertümer* Bd. 39. Mainz, 2006.
37. Werner J. Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. // *Philosophisch-historische Klasse: Abhandlungen*; H. 100. München, 1988.

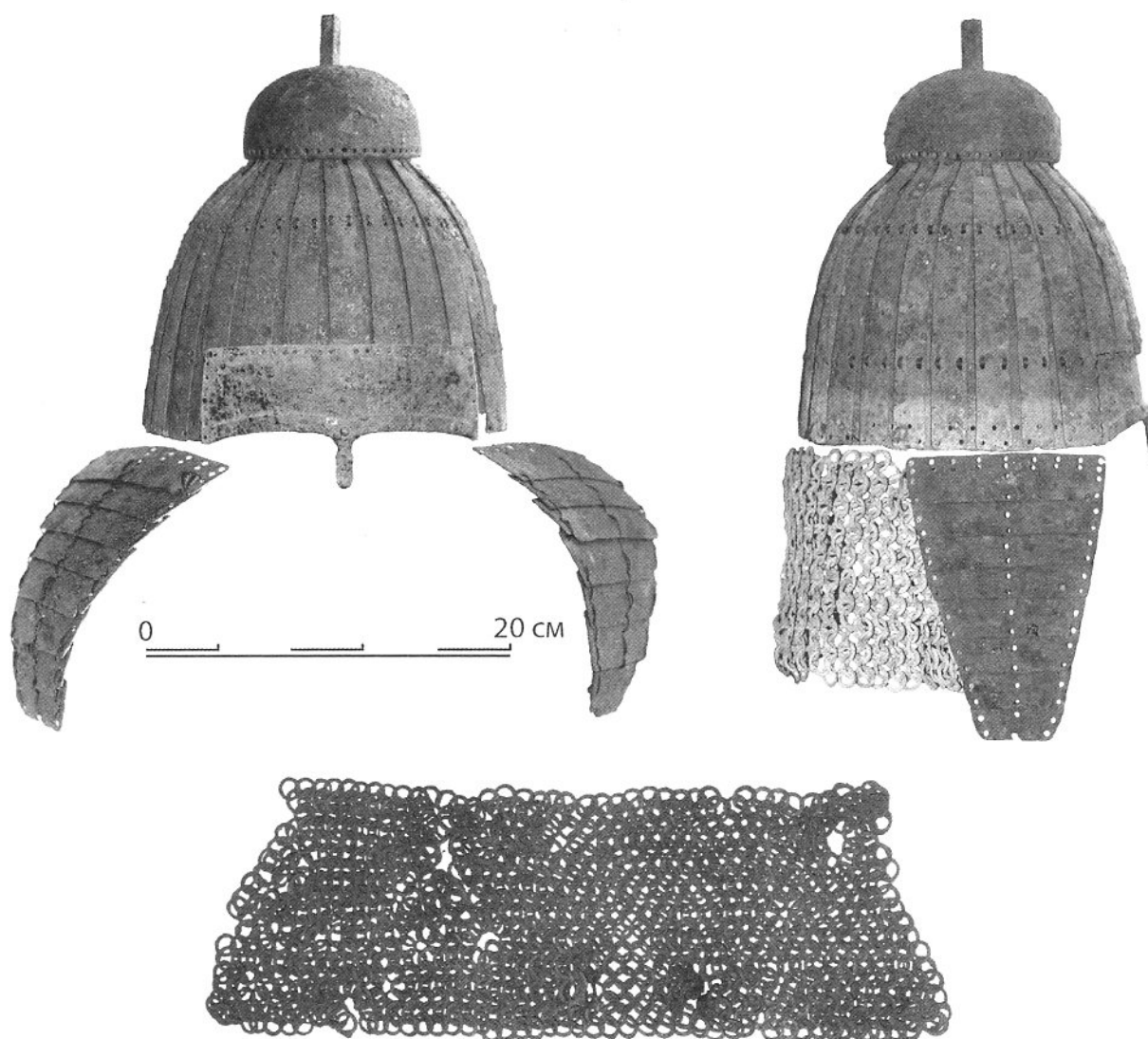

Рис. 1. Фотография шлема из Хомутовского района до реставрации

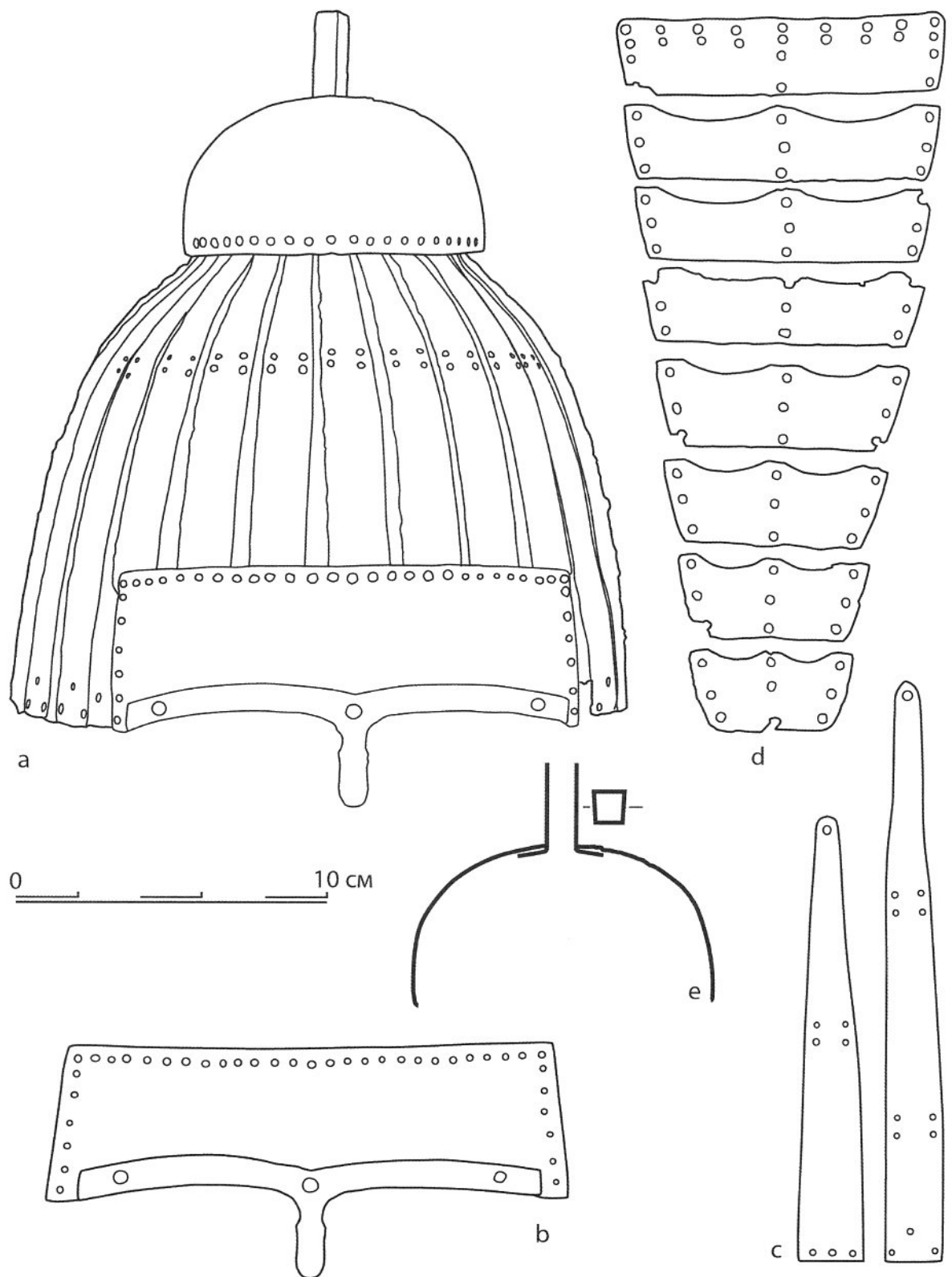

Рис. 2. Прорисовка конструктивных элементов шлема

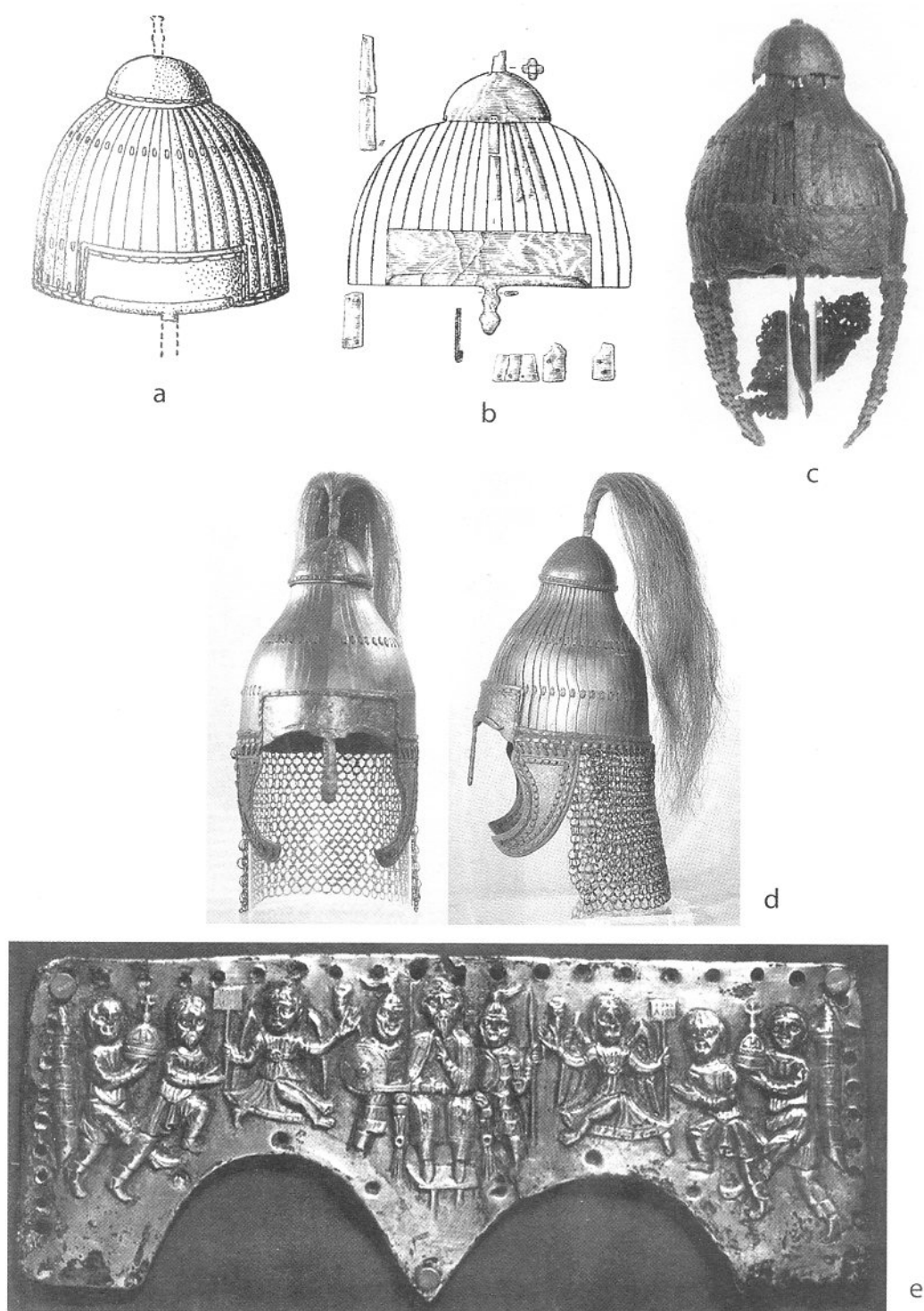

Рис. 3. Европейские аналогии шлема:

a — катакомба 1881 года на ул. Госпитальная в Керчи (Крым, Украина); *b* — Ильичевское городище (Краснодарский край, Таманский п-ов, Россия); *c* — Старая Загора (Болгария); *d* — Нидерштоцинген (Баден-Вюртемберг, Германия), современная реконструкция Е. Вальдиньеволе (Тоскана, Италия)

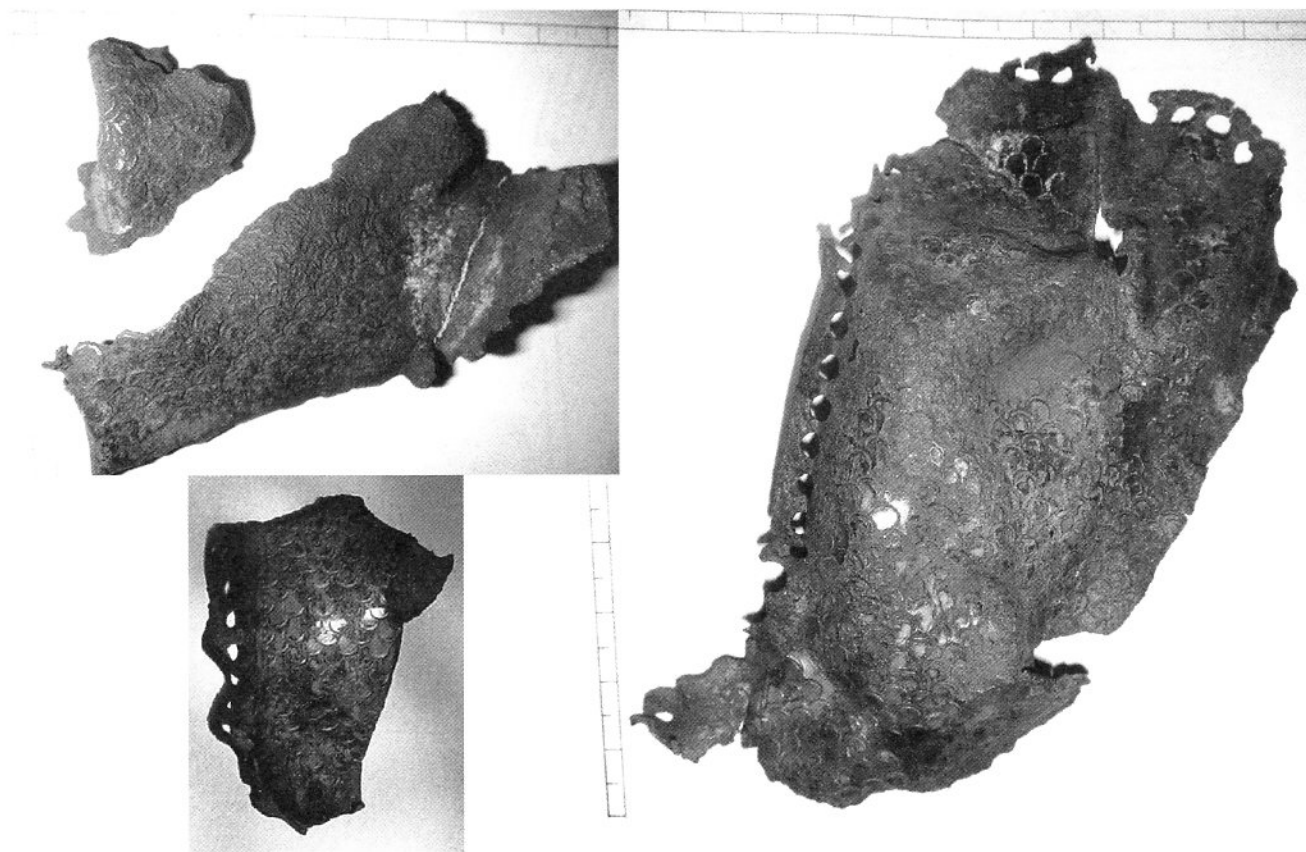

Рис. 4. Фотографии деталей шлема из Брянской области

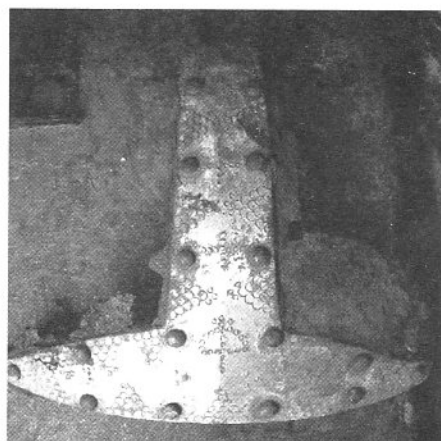
1

2

3

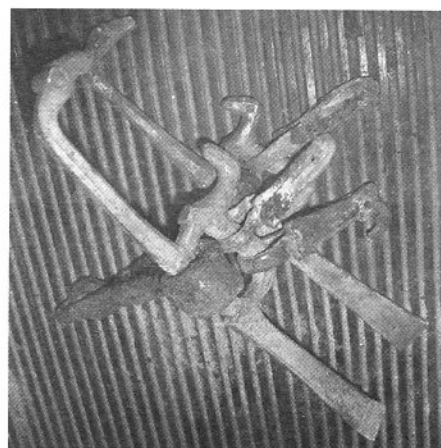
4

5

6

7

Рис. 5. Фотографии фрагментов наушей от шлема из Брянской области

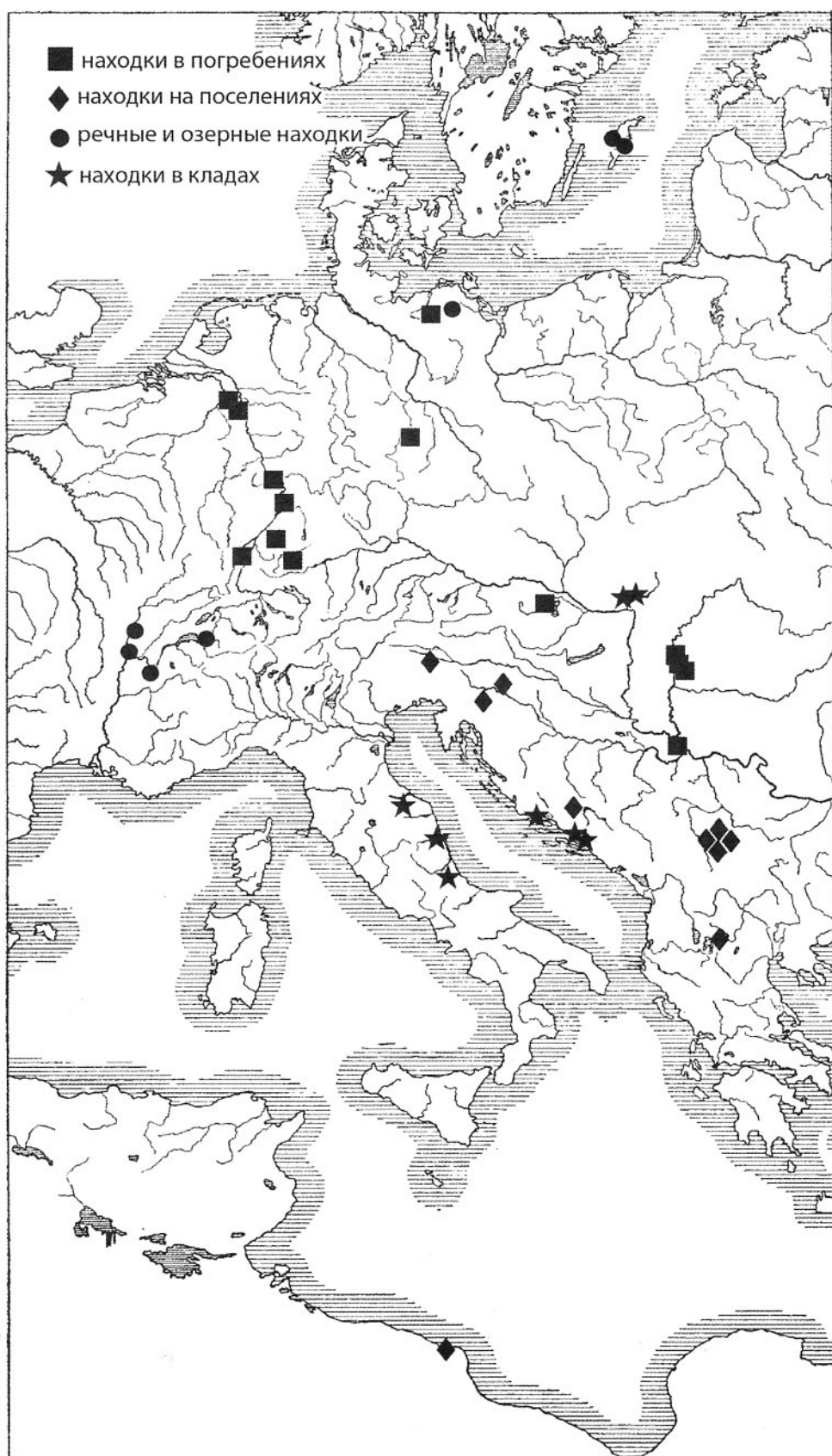

Рис. 6. Карта находок шлемов типа «spangenhelm» в Европе (по: Vogt, 2006. Abb. 2)

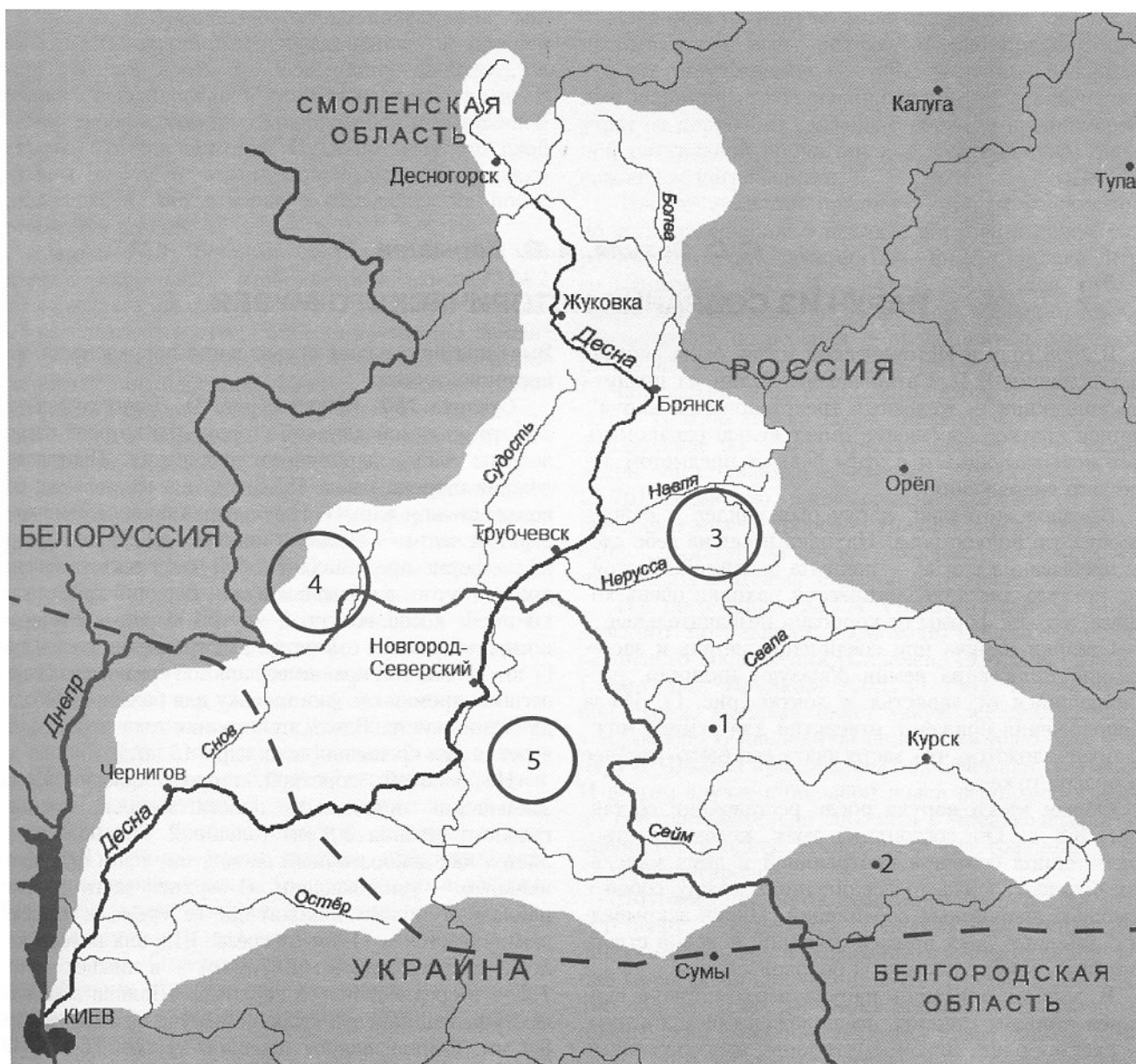

Рис. 7. Карта находок предметов вооружения конца V–VI в. на территории Подесенья.

1 — шлем, с. Петровское, Хомутовский район Курской области; 2 — Картамышево, Обоянский район Курской области; 3 — Р. Навля, Брянская обл.; 4 — Климовский район Брянской области; 5 — Глуховский район Сумской области, Украина